Ленивая жена

Мужик задумал жениться. Что ж, дело ладное. И женился. Стали молодые жить-поживать и хозяйничать. Насеял мужик хлеба много-премного, а делать работу некому. Вот он говорит жене:

— Давай, хозяйка, сварим пива, да браги, доспеем (устроим) помочь.

Хозяйка сварила ему пиво, да на грех оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее пиво. Вот она и говорит:

— Хозяин, на что нам помочь делать; я одна управлюсь с делом. Только место покажи.

— Ладно, — сказал мужик и пошел показывать бабе, где их поля.

Утром чуть свет баба налила себе полные туес (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлебные полосы, баба сразу нажала три снопа ржи. Диву дался мужик, хвалит жену:

— Да ты у меня — баба бойкая, одна все выжнешь!

— Выжну, никого не зови, — говорит баба.

Оставил мужик бабу на поле жать рожь, а сам пошел на другое поле хлеб сеять. Увидала баба, что осталась одна, взяла бурак и давай из него пиво пить. Выпила все пиво зараз и захмелела. Она положила два снопа под себя, а третий под голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядит, уже ночь во дворе, испугалась, стала охать: «Экая беда, экая беда, что я наделала, что мне хозяин скажет!» Побежала домой, а муж-то уж дожидается и вот спрашивает ее:

— Что, хозяйка: много нажала?

— Полоску всю, славу Богу, выжала заспиха.

На другое утро мужик повел свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своих полей). Пошла баба, с собой все же новый бурак пива. Как мужик ушел, она напилась и проспала до полуночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалит ее мужик и верит, что на самом деле выжаты две полосы.

Пошли на третий день на новое, третье поле, мужик оставил свою бабу одну, а сам ушел сеять. Выжала баба три снопа, выпила пива, охмелела и на снопах уснула. Сеял, сеял мужик и думает: «Дай-ка пойду, да посмотрю на хозяйку». Пришел мужик, видит — она спит. Стал он ее трясти, а она не просыпается. Осердился мужик и думает: «Ладно, ты меня обманула, так и я над тобой шутку устрою». Пошел он домой, взял ведро дегтю и принес на поле. Мужик затем схватил бабу, поставил ее вниз головой и выкупал ее в дегте. Так как она и после этого не проснулась, то он оставил ее на поле. Проснулась баба, когда уж стало совсем темно. Хватила она себя за голову, хватила за бока: «Вот беда, что это? Кто это сделал надо мною такую штуку? Да уж я ли это? Нет, это не я — Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, так это не я; нет ее дома, так это я — Марфида». Баба приходит домой, стучит под окном и кричит:

— Хозяин! Марфида-то дома?

— Дома, — отвечает.

— Экая беда, видно я не Марфида. Нет, — думает она, — спрошу еще раз. — Дома ли Марфида?

— Дома, дома, брагу цедит, — был ответ.

— Что я стану делать, — стала вздыхать баба, — кто я такая, ничего мне не остается, как идти, куда глаза глядят!

Идет баба, подходит к лесу, а там у елки сидят разбойники. Подбежала к ним баба и просит:

— Примите меня к себе.

Увидали ее разбойники и испугались: ночью уж очень она была страшна — и давай бежать, а она за ними. Бежали они, бежали, глядят — не отстает от них чудище, все по-бабьему кричит. Вот остановились они и спрашивают его:

— Кто ты? Иди с нами, только не кричи.

Разбойники повели с собою Марфиду, привели к богатому мужику и уговорились воровать у него репу. Подошли они к яме, где была репа, и говорят Марфиде:

— Полезай в яму, выбрасывай репу в кучи — крупную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю так есть.

Лезет баба в яму, выбрасывает из нее репу, да сама во все горло кричит:

— Эту на пе-е-че-ен-ки, эту на па-аре-енки, эту та-ак есть!

— Не кричи ты, — убеждают ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать.

Убежали разбойники, видят, что их поймают, а бабу оставили в яме. И хорошо они сделали. Проснулись хозяева, пришли к яме и сильно избили бабу. Ревела, ревела баба, пошла снова по дороге и опять нашла в лесу тех же разбойников. Не могли те от нее отвязаться, взяли ее снова с собою. Дошли до другого богатого мужика. Подняли уголь у амбара и говорят бабе:

— Полезай в амбар; там есть лен чесаный и нечесаный. Чесаный-то отбирай, да нам бросай, а нечесаного нам не надо. Только смотри не кричи.

Залезла баба в амбар, отбирает лен, а сама опять во все горло кричит:

— Этот лен че-е-еса-ано-й, этот не-ече-е-са-ан-ны-ый!

Услышали разбойники, что идут хозяева и убежали, а бабу оставили в амбаре. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отпустили чуть живою. Беда, как ревела баба и поплелась, куда глаза глядят. Пришла в лес и набрела опять на тех же разбойников. Увидала их баба и давай на них сто есть мочи кричать:

— Ах, вы, такие-сякие, зачем вы меня одну оставили! Меня всю избили.

Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать:

— Будь ты проклята, да на что ты к нам привязалась, да на что ты за нами идешь!

Они решили отвязаться от нее.

— Пойдем, — говорят они ей, — к попу на остров, там у него репа посеяна.

Бабе давно хотелось есть и она на это с радостью согласилась. Через реку от поповского дома был остров. Разбойники устроили переход к острову из гнилых досок, переехали сами с бабой на лодке и говорят ей:

— Рви, баба, на острове репу, а за это мы принесем тебе мяса.

Они уехали на другую сторону, а баба принялась репу рвать и что есть мочи кричать:

— «Вот ре-епа, вот ре-епа-а!

Услыхали ее крик поп и попадья и побежали на остров по переходу, да не успели они дойти до половины, как увидала их баба и, думая, что это разбойники, закричала:

— Мясо несете?

Как услышали это поп и попадья, испугались и бросились обратно, а переход-то под ними подломился, они упали в воду. Баба как была, так и осталась, да говорят и теперь она еще сидит на острове.